

В уездном городе утопленник в коровьем следе

После того как во всей деревне Ливань погибли люди, семья Гуань Хуайжэня первой поселилась там, а позже из других деревень перебрались еще четыре двора. Затем государством было начато строительство водохранилища Даньцзянкоу, и из зоны затопления переселились еще четыре семьи. Позднее приехали три семьи горожан, отправленных на работу в деревню, и это позволило несчастному селению с трудом насчитать двенадцать дворов. Все двенадцать семей носили разные фамилии — Гуань, Юэ, Гэ, Сяо, Вэнь, Вань, Ян, Го, Хэ, Цзян, Ба и Жэнь. Они размножались и жили здесь из поколения в поколение, вполне ладя друг с другом.

В эпоху Цингтай династии Мин, однажды после полудня, когда стояла такая же жара, как сегодня, некий ученый муж проходил через Девятилинейный холм к западу от Ливань и почувствовал жажду. Издалека заметив в горной ложщине лужицу чистой воды, он спустился, чтобы напиться.

Когда ему оставалось до водяного пруда всего несколько шагов, он внезапно рухнул на землю, изо рта у него пошла белая пена, он замер неподвижно, потеряв сознание. На беду, его нос и рот уткнулись прямо в след от коровьего копыта, а еще хуже было то, что утром прошел дождь и в этом следе стояла вода.

Если бы в этот момент кто-нибудь оказался рядом и повернул ему голову, все обошлось бы. Что до его падучей болезни, то, помучившись какое-то время, он бы сам пришел в себя. Но ему суждено было умереть именно здесь: в диких, пустынных горах, да еще в полдень — кругом ни души, даже призрака не встретишь. Вот он и захлебнулся в коровьем следе.

Прошло немало времени, прежде чем тело обнаружили, и еще долго никто не приходил забирать усопшего, поэтому жители Ливань выкопали могилу прямо на том же месте и похоронили его. Заметив, что он одет как ученый муж, люди стали называть его могилу Могилой Сянгуна.

Жители Ливань совершили доброе дело, не дав собакам растерзать и волкам ратащить тело того ученого мужа, а его костям — обнажиться под открытым небом. Тот ученый муж, должно быть, обретя сознание на том свете, отплатил за погребение щедрым источником. С той поры маленький пруд превратился в большой, водная гладь день и ночь пускала пузыри, и вода журчала без устали.

Сказать, что ученый муж на том свете отблагодарил за милосердие к погребению — это выдумка, а вот то, что при рытье могилы заодно расчистили родник — чистая правда. Родниковая вода круглый год была ключом и переливалась через край; выходя из Ливань и звеня на ходу, она текла мимо бесчисленных деревень в низовьях, вскармливая поколения людей и скота и орошая огромные просторы плодородных полей по обоим берегам. Этот водный поток тянулся сотни лет, и промытое им русло стали называть рекой Баохэ. Кто-то наверняка спросит: все ведь знают, что в радиусе нескольких десятков ли отсюда нет ни одной семьи по фамилии Ба, почему же речное русло называли Баохэ? Причина вот в чем: когда люди в те времена рыли могилу тому ученому мужу, они неожиданно наткнулись на древний

колодец. Расчистив родник, они выудили из ила древнюю стелу. На ее лицевой стороне красовались два иероглифа — колодец Ба, а на обороте подробно описывались исторические события: когда Цинь Хуань-гун вел в поход против Чу войска восьми государств, армия разбила здесь лагерь. Коням срочно потребовалась вода, и тогда цинский правитель поручил полководцу Ба Шуя велеть выкопать колодцы. Десятки тысяч воинов трудились день и ночь, возведя в лагере два глубоких колодца, и сам Цинь Хуань-гун лично пожаловал им название колодцы Ба. Нетрудно догадаться, что мощь великой армии не сравнить с силами одной деревни: выкопанные колодцы получились глубокими и широкими, достигающими до каменной плиты и соединяющимися с самим Небесным Млечным Путем. И даже когда за века потрясений колодцы обрушились и стела ушла под землю, родниковая вода все равно продолжала просачиваться наружу. После того как во времена династии Мин обнаружили колодец Ба, русло, проложенное вытекающей оттуда родниковой водой, вполне закономерно стали называть Баохэ.

В 1968 году народное правительство уезд Гуансянь организовало всё население поселок Личжэнь на битву у Ливань: они натянули тетиву на изогнутый лук, пролегающий по грядкам Горы Фулун и Девятилинейного холма, и возвели длинную плотину-дамбу, чтобы собрать родниковую воду и поднять уровень воды, дабы она еще усерднее служила на благо людей.

Всего через два дня и две две ночи после завершения строительства плотины полная до краев чаша зеленого стекла вросла в ожерелье окрестных вершин. Жители стали разводить в водохранилище рыбу. А за пределами плотины: на возвышенностях устроили террасные поля для выращивания риса и водяного ореха-водяного каштана, в низинах вырыли пруды, где сажали лотосы и водные орехи. Удивительное дело: выращенные на этой родниковой воде культуры получались необыкновенно вкусными. Стоило лишь подать на стол рис из здешних урожаев, как аромат тут же бил в нос — и безо всякой закуски каждый мог уплести по три больших миски.

В день окончания строительства плотины секретарь Цюй от лица уездного комитета официально присвоил этой горной деревушке название седьмой отряд Баохэ и посадил на дамбе семь плакучих ив в память об этом событии. Ива от природы любит воду, и посадка здесь пришлась ей как нельзя кстати. Не прошло и нескольких лет, как семь ив превратились в раскидистые деревья с пышной и густой листвой, колышущейся на ветру и представляющей поистине живописное зрелище. Стоя на горном хребте и глядя на плотину, невольно видел перед собой картину, как синие облака зачерпывают воду, а пуще того — словно семь небесных дев сошли к зеркалу причесаться. Поскольку горы и воды седьмого отряда были так прекрасны, да вдобавок украшены прекрасными ивами, жители как ближних, так и дальних селений единодушно стали называть седьмой отряд Люгоу — Ивовым Рвом, а прежнее название Ливань мало кто вспоминал, и оно постепенно предалось забвению.

По преданиям стариков, в конце эпохи династии Суй некий купец проходил через нынешний Люгоу и почувствовал усталость, а потому присел отдохнуть под вязом посреди деревни. Прислонившись спиной к стволу, он заснул. Сам того не заметив, проспав неизвестно сколько времени, он погрузился в полудрему. Во сне ему привиделось, будто огромный дикий вепрь лижет ему шею. Он отчетливо разглядел этого зверя: щетина торчит иголками, каждая волосинка дыбом; клыки кривые, покрытые желтыми бурыми пятнами; пасть то раскрывается, то смыкается, с губ обильно капает слюна. Вепрь так и норовил перекусить ему горло. Купца бросило в холодный пот от мелкой дрожи, и он в ужасе проснулся. Сунув руку за воротник, он

нащупал там небольшой бугорок, поднес к глазам и увидел лесного клеща, который уже наполовину напился крови. Он было собрался прижать его пальцем и прикончить, но вдруг передумал и не стал давить. Говорят ведь: все дела в мире удаются с первого намерения, но рушатся от перемены мысли. Одолев детской игривости, он вытащил из кармана клочок бумаги, завернул туда клеща, скатал комочком и засунул в дупло за своей спиной.

Три года спустя тот купец снова проходил через эти места и опять прислонился отдохнуть под тем же деревом. От скуки он искоса бросил взгляд на дупло и улыбнулся — той самой улыбкой человека, который пожинает то, что посеял. Вид дупла напомнил ему, как три года назад он спрятал здесь клеща, и теперь выдался случай проверить, жив он или мертв. Отыскав палку, он выковырял бумажный комочек и, разворачивая его, подумал: скорее всего, та тварь сдохла, ведь прошло целых три года без еды и питья, давно должен был с голодухи помереть. Развернул — клещ по-прежнему был на месте. Вытряхнув его на левую ладонь, купец принялся разглядывать его со всех сторон. Глядит — от голода тот превратился в тонкую кожицу, крутит его так и эдак, а он не шевелится, верно, окочурился.

Изнуренный дорогой, купец почувствовал, как на него накатывает дремота, голова сама собой свесилась на грудь, и он провалился в глубокий сон. Спал он немало: тысячелетние семена от тепла его тела проросли, а десятитысячелетние жабы ожили.

Неизвестно, сколько времени он проспал, но во сне он почувствовал невыносимый зуд на ладони. С трудом разлепив глаза, он посмотрел и увидел, что клещ больше не был сморщенным — он раздулся от крови до размеров тугой круглой бусинки величиной с маковое зернышко, а черно-фиолетовая кровь в его брюшке бурлила, словно грозовые тучи на небе перед бурей. Напоенный ядом трехлетних ветров, инеев, снегов и рос, тот купец испустил дух прямо под этим вязом.

На следующий день грянул гром и сверкнули молнии, преследуя по пятам мчащегося на коне воина. Этим воином был Ючи Цинде. Говорили, что его боевые заслуги были слишком велики, а число убитых врагов — чересчур огромно, и громовержец сегодня непременно вознамерился убить его, чтобы исполнить клятву о том, что небесное возмездие неотвратимо и обмануть его нельзя. Спасало лишь то, что его боевой скаб был быстр на ногу: каждый удар грома разрывался в считанных сантиметрах от его затылка и кончика лошадиного хвоста, это было до крайности опасно.

Ючи Гун тоже был мужчиной решительным и смелым. Добежав до вяза в Ливань, он осадил коня и решил больше не бежать. Спрыгнув на землю, он уселся, скрестив ноги, и закрыл глаза в ожидании смерти, думая про себя: Бежать дальше бесполезно. Я за свою жизнь убил бесчисленное множество людей, поистине — слава одного полководца стоит миллионов погибших костей. Раз сегодня явились те, кому я задолжал жизни, с чего бы мне их бояться? Придется расплатиться. Дерево перед воротами — таков уж мой неизбежный конец. И надо же, здесь и впрямь оказалось дерево! Родиться есть где, и умереть есть где, раз у дерева есть душа, пусть оно станет свидетелем моего финального конца, меня, старого Черныша!

Среди бушующей стихии ослепительная вспышка молнии осветила дерево, что гордо стояло на ветру, и его серебряные ветви бешено заплясали, обнажая всех цикад, прятавшихся в листве. В тот же миг раздался оглушительный раскат грома, и гигантская ветвь была снесена одним

ударом под корень, погребя под собой Ючиде.

Уловив запах крови, Ючи Цинде подумал, что его наверняка расщепило молнией. Но он никак не мог взять в толк: почему сознание умершего человека оказалось столь ясным? Протянув руку, он нащупал что-то липкое и влажное, а поднеся к глазам, разглядел раздавленного клеща, который забрызгал ему всё лицо черной кровью.

Тот клещ сам был отягощен грехами и, на свою беду укрывшись на макушке у Ючи Гуна, принял на себя удар грома, тем самым спасши Ючи жизнь.

Когда Поднебесная воцарился мир, Ючи Гун испросил у Ли Шиминя высочайшего соизволения построить Монастырь Дитан на вершине Горы Фулун, что напротив вяза, дабы отблагодарить дерево за дарованную тень, а заодно упокоить души погибших от его руки людей.

<http://bllate.org/book/22008/2287954>